

Анатолий
Смирнов

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

Стихотворения и поэма

Ярославль
ИД «Печать»
2012

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
С50

С50 Анатолий Смирнов. Чернила и сугробы: Стихотворения и поэма. – Ярославль: Издательский дом «Печать», 2012 – 64 с.

ISBN 978-5-9902576-2-7

Основная тема этой книги – тема Родины, большой и малой. Обращаясь к прошлому и настоящему России, автор ищет религиозные, философские и этические основания бытия современного человека.

ISBN 978-5-9902576-2-7

© Смирнов А. П. 2012
© Издательский дом «Печать» 2012

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

*«Но любовь наша к родине
крепче всего и сильней».*

Ли Бо

* * *

Не крест несу, не чашу пью,
не волокусь в арбе судьбины...
С одним я жизнь свою сравню –
с путём в родные палестины.

Мой путь – не крест, не чаша – зной,
мне не судьба плетёт дорогу, –
здесь даже смерть моя со мной
идёт, внимая только Богу.

Есть сладость в горечи беды,
а язвы боли нежность сеют...
В мечтах моих – в цвету сады,
в блужданиях – воля Моисея!

ЯЗЫЧЕСКИЙ ТРИПТИХ

1

Царьградский бог сбил бесовство с природы:
тать Соловей не свищет на дубах;
русалки не запеневают воды
кружалами в дегтярных бочагах;
не чешет космы пастушкам Ярило;
Перун копьем не рвёт ночь облаков;
и Велес, наливаясь бычьей силой,
не ищет рогом злобных степняков...
На капище, монахами сожённом,
змееголово-мёртвы головни;
и грустный волхв, доверия лишённый,
уходит в чащу в поисках родни:
авось, там пращур Леший присуседит
в своём еловом диком терему...
Уходит волхв туда, где и медведи
смиренно клонят голову ему.

2

Узорная роща святая
была светлой церковью нам,
там, косы берёз заплетая,
молились мы диким богам.
Но если сквозь сумрак зарница
перуновой бровью блеснёт,

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

тотчас меж берёз Березница,
удачу неся, промелькнёт...
Шумели лесистые годы,
зимою вмерзая в снега,
и жили мы, дети природы,
вольны, как река и пурга.
А ныне в бревенчатом храме
поп правит нам лемех судьбы,
и вольных не стало меж нами,
все – божьи да княжьи рабы.

3

Лишь Киева устойчивую стену
стал в лом дробить окованный таран,
детей и жён, страшась подвергнуть плену,
услали мы спастись в божий храм.
Мы – мужи, нам за честь погинуть в битве
с ордой, и кто богат, и кто убог;
но бог не может детские молитвы
отринуть, если он – по-правде бог.
Ещё секлись мы за тебя, наш Киев,
у храмовых ворот. Как с громом вниз,
молельцев гробя, рухнула София,
разбрызгав женский плач и детский визг...
И клял я у церковного порога,
скрываясь в смерть, от горя зла лютей,
за грыжу лжи евангельского бога,
лишь на словах любившего детей.

РЕЧНЫЕ МЕЛОДИИ

1

В дожде туманном
тонут берега;
ползёт под катер
чёрная река, –
дорога к дому
длиньше, чем из дома,
когда спешишь к нему
издалека.

2

Ольхи роняют в ручей чёрные листья;
нету лягушек – зарылись в залежи ила.
На поле вышел – вижу следы лисьи,
видно, плутовка утром мышей ловила.

В избу вернусь, затоплю жаркий подпечек,
сяду к огню, грея озябшие руки...
Если Ли Бо в мире ином я встречу,
точно уж там никогда не умру со скуки.

3

На замёрзшем болоте
не видно с утра журавлей;
просветлел березняк
и приблизились дальние ели...
Вспоминаю я беды
и радости жизни моей,

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

догадаться пытаюсь,
куда же они улетели.
От сияющих дней,
что они унесли за собой,
в доме сердца остался
лишь запах засушенной мяты...
Полусонное солнце
слетает полярной совой –
вот и кончился день –
в индевелую яму заката.

4

В глубине снегопада
синеют сосновые лапы;
у крыльца снежной пылью
твои замывает следы...
Я бы тоже ушёл
прочь из дома, когда бы
знал, где можно укрыться
от грусти и бледной нужды.

5

Соседка лопатой
ворочает жирную почву –
готовит парник
для подросшей в избушке рассады.
Ещё пара дней
и развяжутся листьями почки,
и белые вишни,
как облачки, вспыхнут над садом.

Сижу на крыльце
и готовлю рыбацкие снасти,
чтоб бросить их в омут,
как только сойдёт половодье.
Я выпил вина
и не думаю больше о счастье —
без счастья спокойнее жить,
а без мыслей свободней.

6

Над белой лилией
кружится стрекоза;
блеск глубины
притягивает глаза...
До ночи
просидел бы над рекою,
когда б с востока
не пришла гроза.

7

Жемчужины лилий
укрыты в ладонях реки;
внимательным ухом
луна повернулась к долине...
Пусть беден костюм мой
и други мои далеки,
счастливым стою
на холма одинокой вершине.
Пораньше проснёшься

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

и ты – властелин тишины,
пока не поднимутся с солнцем
в избушках крестьяне.
Я вижу отсюда,
как пляшут их белые сны
в берёзовой роще
на убранной в жемчуг поляне.

8

В красной глине обрыва
чернеют стрижиные норки;
задевая траву
над обрывом плывут облака...
Свою жизнь пролистал я,
как книгу от корки до корки,
и теперь не умею
на землю глядеть свысока.

9

На пригорке ржавеет
заброшенный храм;
я зашёл, не спугнул
голубей по углам...
Кто придумал,
что веры в сердцах не осталось?
Даже птицы летят
поклониться богам!

ВОСПОМИНАНИЯ

Душа, как улитка,
высовывается из раковины горя,
Щупает рожками
насколько опасен мир,
Испуганная шершавостью травы,
скрывается вскоре
В своей
самой лучшей из квартир.
А что?.. Хоть и тесно,
но не то, что ветер,
Даже свет не касается
нежных тканей,
Лишь разматывается,
как шарфик с петель,
Ворсистая нить
воспоминаний.
Вот здесь, у реки,
ты сказала: «Любимый!»,
И Млечный путь развивался над нами,
как хвост летящей кобылицы...
Вон там, у оврага,
мы целовались, а мимо
Неслись маленькие
юркие птицы.
Вдруг ястреб
с неба бросился в стаю,

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

Но стрижи не побежали,
развернулись в атаке
И когтистый хищник,
от них улетая,
Был смешон,
как поджатый хвост собаки...
Да, мы – не стрижи,
мы спасаемся поодиночке,
Из гиблой бездны
взывая к Богу.
Тем более, что нет
ни сына, ни дочки,
А чёрная кошка обид
перебежала дорогу...
Высовываю рожки –
дождик, зябко,
Июнь весь в циклонах,
как жизнь в потрясениях...
Ползу в своём домике
на шершавой лапке
В обещанное кем-то
спасение.

СОН

Вдруг в морды лица превращаются,
А морды рожками кончаются,
И бьют мохнатые хвосты
По обступающему ельнику, –
Идут, ведут меня подельники,
Глаза их кровью налиты.

Как я попал в компашку экую?
Смотрю, никак не докумекаю:
Из под копыт их брызжет мох,
И босоногий след мой глупенько
Среди копытных ямок лупится...
Неужто мой удел так плох?

Но тишь окрест, как сон величества, –
Не докричишься, не докличешься
До егеря и лесника.
Туман рассветный рвётся ватую...
Куда ведут меня проклятые?
А я-то верил: смерть легка.

Стучат хвосты, копыта чавкают,
А пасти безобразно гавкают
И когти лап скребут кору...
Так вот чьих душ любил я вольницу!
Так вот с кем пиво пил я в горницах
И целовался на пиру!

ПОШЕХОНСКАЯ ВЕСНА

1. Мартовские причитания

Эх, мыслишки-комаришки,
хорошо идут делишки:
вошь в кармане на аркане,
мёд колодезный в стакане,
ни картошки, ни моркошки,
ни путёвенькой одёжки, –
скоро так протянешь ножки.

Эх, житуха-развалюха:
пусто в брюхе, в сердце глухо –
ни зазнобы, ни земли,
лишь в причёске след метели;
ни надежды, ни отрады,
только ковш висит над садом
за морозным белым чадом.

В сытых избах, как медведи,
спят таланные соседи,
дышат мясом, дышат жиром,
бабьим потом и сортиром.
Пусть храпят сегодня с миром.
Не пустить бы от греха
золотого петуха.

Эх, мои слова-колечки,
как сверчки, ползут в подпечки.
Не разжечь ли огонёк?
Не поставить ль чугунок,
чтоб сварит пшена кулёк?
Слава богу, есть дровишки –
не труба ещё делишки.

2. Начало апреля

За синим туманным лесом,
где дремлют сосна и ель,
проказничающим повесой
в ладоши забил Апрель,
горячий туман вдыхая
и солнцем вокруг соря,
змеёнышей резвых стаю
забросил клубком в поля.
И, полные юной злобы,
чтоб жизни ускорить бег,
сжирают они сугробы,
глота обрюзгший снег...
Но это за синим лесом,
в краю молодых берёз;
У нас же в еловом кресле
владыкой сидит Мороз;
Лишь тоненькие капли
бормочут на сломе дня,

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

что воздух запах апрелем,
что стёрлась зимы броня.

3. Егорьев день

Худой священник в грубой рясе
идёт селом и в каждый дом
заходит, от заката красен,
пугает Страшным всех Судом...
– Пугай словами, нам не страшно.
Страшны живая боль да смерть,
а что в грядущем иль вчерашнем –
нам, как быку на прясле жердь.
Допустим, били или, может,
ещё и взгреют ей бока,
сейчас другая страсть тревожит
рога поднявшего быка:
весна и пахнет майским гоном...
И мы, к словам Судьи глухи,
с ума смываем самогоном
судьбы и помыслов грехи.
Поём в безумии весёлом,
налив стакан по самый край,
как хорошо по нищим сёлам
цветёт черёмухами май...
Солярки нет. Под жидким снегом
озимых сгибла полоса...
«Э-эх, пропада-а-ай моя-я теле-ега,
да все четы-ыре-е колеса-а!»

БОРИСОГЛЕБ

Константину Васильеву

Нет, не постом, а лишь трудом
дано умилоствить небо,—
я мыслю, стоя над прудом
у грозных стен Борисоглеба.

Здесь раньше был не пруд, а ров
с водою ясной, как на блюде,
где сигизмундовых орлов
полки смогли лишь захлебнуться.

Неодолимость, монолит
работной православной веры
пусть наших внуков охранит
от златокованой химеры!

Среди свершившихся чудес
мне и святей, и интересней
не то, что вечный Бог воскрес,—
что Русь, распятая, воскреснет!

У древних стен весёлый торг
шумит, являет люд осанку.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

А Тот, кто дьявола исторг,
Он был и мастером рубанка.

Пойдём в твой дом, преломим хлеб,
наполним брагою бокалы,
и да горит Борисоглеб
кострами клёнов жёлто-алых!

1995

* * *

Слишком быстро декабрьская ночь
закоптила стену снегопада,
и, прогнав восприятия прочь,
воскурю над памятью ладан.
Зря я в детстве мечтал – не сбылось:
мама с папой истлели в могиле;
той, что вечно б любил, не нашлось;
и друзья мне судьбы не простили...
Есть ещё в этой комнате свет,
как в окне шевеление ночи,
и вопросов на вечные "нет"
не придумано жизни короче.
Но всё реже бежит по спине
позвоноквый озноб восклицанья,
и живут, как болезни, во мне
не мои, а чужие желанья.
Все земные мечты разбросав
по кладбищам вдоль людной дороги,
я придумал свой строгий устав
об угрюмом взыскующем Боге...
Есть ещё в этой комнате свет,
как в окне шевеление ночи,
но уже заблуждения нет,
что ответы вопросов короче!

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

* * *

Заиграла весна, засверкала
солнцем, воздухом, талой водой.
В далине за валком краснотала
блещет лес, словно храм голубой.

Я люблю эту светлую волю
и частенько брожу, не спеша,
по закраине ближнего поля,
оседающим снегом шурша.

Над буграми протальными вьётся
от земли серо-розовый дым...
Скоро аист весёлый напьётся
из болотца за домом моим.

* * *

Опять в лучистое цветенье
любовь медлительных растений
из мрака вызвала весна:
тычинки к пестикам в объятья
спешат на таинство зачатья,
и свахи-пчёлы дотемна
в домах душистых суетятся,
поболе заработать тщатся...
Да не минует их успех!
Любовью держится живое
и не доносы, не разбои,—
безлюбье величайший грех.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

* * *

Желтеет за тюлем июньский рассвет,
впервые мы в койке одной...

Забавно, но в памяти прошлого нет:
что вспомню – стоит предо мной.

Не раз заставлял меня сон вспоминать
ту, первую с девушкой, ночь...

А то, что мы в памяти сможем примять,
нам жизнь возвращает точь-в-точь.

Стоячую грудь, отгоняя лучи,
опять зажимаю в кулак...

И видно за смертью есть много причин,
чтоб всё было именно так.

НАД ЮХОТЬЮ

Старушка в полушалке клетчатом
пасёт козу над омутком,
чтобы пойти к шоссежке вечером
продать проезжим молоко...
Июль кудрявится над Юхотью
цветущей шерстью росных трав;
голавлики на стрежне плюхают,
в полёте мотыльков поймав.
Любить Россию – не обязанность,
давно все отданы долги, –
а неотвязная привязанность
к судьбе над зыбями реки.
Глаза слезятся не от жалости, –
от блеска трав и ветерка;
здесь с детства до нашедшей старости
веселье сладко, боль сладка...
Коза прядёт от мошек ушками,
трясёт потешно куцый хвост...
Здесь сладко манит за церквушкой
родной кладбищенский погост.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

* * *

Клюёт с ладони зимняя синица
подсолнуха сухие семена...
Моих ладоней птица не боится
и, значит, ты бояться не должна.

Ты, что гонялась так за журавлями,
но, выплавав всю юность вдалеке,
спокойно спишь глубокими ночами
на жёсткой, на моей большой руке.

Как сладостно, как радостно ты дышишь
и будишь нежность долгую в крови!..
Доверчивость дарована нам свыше
за честность и бесстрашие в любви.

И пусть порой невероятным грузом
меня к земле гнетёт твоя краса,
мне так нужны для тела эти узы,
чтобы душа взлетала в небеса!

МАРИЯ

Она ещё и не Мадонна,
она пока что тяжела,
и над полотнами пелёнок
сеуёт проворная игла.

В крутом изгибе нежной выи
сияют радость и тепло.
Она уверена, Мария,
что ей волшеббно повезло.

Она ещё не мыслит даже
тот хлев, где смрадные волы,
куда пришли, бежав от стражи,
судьбу открывшие волхвы...

А если б знала, что настанет
и день Господнего креста,
ужели б выносила в тайне
от всех зачатого Христа.

СОNET ЗИМЫ

Плоды зимы – вороны – на ветвях
худых дерев, окутанных туманом,
оцепенели: ими правит страх
перед ночным морозом бездыханным.

Закат швыряет киноварь и медь
на крыши, на заснеженные стогны,
в упрямо обмерзающие окна
и медленно шагает, как медведь,

по небу в свою древнюю берлогу,
которая известна только Богу,
ведь Бог не спит и в тайне бытия,

когда я полупризрачный и праздный
иду сквозь этот город безобразный,
где враг на Бога точит лезвия.

Анатолий СМИРНОВ

* * *

Хохочи
 в этой сивой ночи,
пурга,
 мне на плечи роняя ключи
 ледяного забвения!

Мы с тобой палачи
 тёплых слёз
 и движения.

Снег,
 накрытый ритмом
 раскачивающегося ветра,
складывается в башни
 кристального оцепенения.

Лёг
 живой контур молитвы
в каменный ряд
 стихотворения...

Впрочем,
 весна разморозит,
 чернила и сугробы,
жирными кляксами
 расплывутся они по земле.

И спросит
 дама с таксой
 (как глупы все вопросы!):

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

«Маня, где мы
в чернила залезли,
гуляя в апрельской мгле?»
Такса посмотрит
умными глазами,
вспомнит ветер,
раскачивающий снег,
и ничего не ответит,
усмехнувшись усами,
думай, мол, человек.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Лабиринтами Ада и Рая
он летел, как горящий болид,
слышал – смутные скрипки играют,
видел – Вечность смычками дрожит

и, бездонную музыку слыша,
ощущая её аромат,
в немоте, как летучие мыши,
лабиринтами души летят.

В диссонансной вонючести Ада,
в благовониях райских октав
им невечного тела не надо
и не надо полей и дубрав...

Так прозрел он заветную склонность,
что присуща родимой стране:
все здесь губительно любят бездонность,
даже в женщине, даже в вине!

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

* * *

По бледной дороге
ночью тёмной
в лунном сиянии
движутся тени.
А за теньями
движутся люди,
лица до глаз
прикрыты шарфами.

Тени – водители,
люди – воители
мрачного образа,
чёрного знамени, –
коль попадётся
им на дороге,
горло разрежут
от уха до уха.

Спрячься, путник,
в кустах придорожных,
Богу молись
пребыть незамеченным!
Тени собаками
нюхают воздух,
в три шестёрки
пылают созвездия.

МЫСЛЬ

Человек нёс мысль
тяжёлую,
как пятиметровое бревно,
и умер...
Мысль лежит поперёк дороги,
ждёт,
кто бы её подобрал.
Одни переступают через мысль
и идут дальше;
другие спотыкаются о мысль
и идут дальше;
третьи присаживаются на мысль
отдохнуть
и идут дальше;
четвёртые безуспешно пытаются
поднять мысль
и идут дальше —
все в пустоту,
ибо куда ещё можно
прийти без мысли.
А тот,
кто её нёс,
усмехается, глядя с небес:
«И вы-то считали меня
бездельником...»
Лежит мысль поперёк дороги,
ждёт.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

* * *

Капли дождя на соцветьях сирени –
белый хрусталь на лиловом стекле.
Летнего вечера длинные тени
чёрной прохладой ползут по земле.

Ясность души, освежённой грозой,
может поспорить с капелью дождя.
Пусть и не знаю, что будет со мною,
всё я продю, сквозь себя проходя!

Здесь, на окраине города злого,
где у меня ни друзей, ни врагов,
буду я пестовать смиренное слово,
буйное пестовать тоже готов,

чтобы среди преходящих мгновений
не затерялись в забвеньи и мгле
капли дождя на соцветьях сирени –
белый хрусталь на лиловом стекле.

СЛУХ

Ты вырвала из заводи кувшинку,
небрежно обронила на песок
и из цветка сиреневая дымка
вверх поплыла чуть-чуть наискосок.

Как зримы эти водяные души!..
А наши, что из воздуха, совсем
невидимы – их можно только слушать
в дрожании аккордов и фоном.

А чудо красок только ли для взора?
Когда полотна вправду хороши,
они поют в мажоре и в миноре,
как скрипки, флейты, птицы, камыши...

О, чуткий слух, вобрав природу зренья,
ты превратился в остриё иглы
и, пятого достигнув измеренья,
преобразил мир пламени и мглы!

Порой как бы идёт мороз по коже,
когда поёт нам в уши естество,
и шепчем мы себе: "О, боже, боже!",
дивясь прозреньям слуха своего.

ПРИДОРОЖНЫЕ ВЕНКИ

В тени чинар, укрыв от солнца спину,
Грущу у моря, вспоминая путь,
Позволивший мне Русскую равнину
Через окно автобуса вдохнуть.
Там над мечетью каждой серп двурогий
И над церквями жёлтые кресты
Мерцают нам, что время – мысли Бога,
Густящие наш мир из пустоты.
Меж тем и мы, покрыв ермолкой темя,
Прикладывая руки к естеству,
Творим своё, особенное, время,
Как орды тли, жующие листву.
А вдоль шоссе, где сталкиваясь бьются
Автомобили, ставя жизнь на кон,
Венками поминанья остаются
Следы несовпадения времён.

В АВТОБУСЕ

В автобусе мы все лишь пассажиры
и никому про то и дела нет,
что этим не до жиру – быть бы живу,
а у других икорка на обед.

Стекает дождик каплями по стёклам,
желтеют придорожные леса,
и хочется грустить о чём-то тёплом
под тихие, как дождик, голоса.

Мелькают деревеньки недалече,
соседка режет хлеб и мягкий сыр...
В автобусе я мог бы ехать вечность,
земли печальной скорбный пассажир.

ВЕЩИ

Суть новых всех вещей стара:
клавиатуру программиста
определять в музей порадовать
к стилю шумера-летописца...

И жалок смысл вещей любых,
когда, захлёбываясь кровью,
теряет сердце вольный дух,
сцепившись с гневом иль любовью.

Но грозен вещный мира бег
и страшен в ясности зловещей,
когда любимый человек
лежит в гробу недвижимой вещью.

* * *

Пасынки осени, жёлтые листья
лисьими шубами землю укрыли.
Тучные тучи над домом нависли.
В сердце темно, как в зарытой могиле.

Нету со мной долговечного друга;
нету вина в запылённом бокале...
выцветшей жизни сухая дерюга
манит к порогу, да ноги устали.

ОПОЗДАНИЕ

Снежит над дощатым причалом...
Последний ушёл теплоход.
Заречное взгорье качает
над зыбью мерзлеющих вод,
как будто вращается глобус
медлительно и напоказ...
А наш деревенский автобус
сломался в болотах увяз...
Но, может, в капкан опоздания
к добру я попался судьбе:
мобильника злое молчанье
забуду в пустынной избе
и буду учиться ночами,
внимая метелям глуши,
молиться под свечи печали
в монашеской келье души.
Молиться о будущей встрече
с тобой, вспепеляющей Тьму,
о том, как я белые плечи
прозрачной рукой обниму.

ЛЕС В СНЕГУ

Вдруг выпал снег и лес стал незнакомым:
берёзы, ели, мхи под слоем льда,
как скопище гигантских насекомых,
которых не видал я никогда.

Иду сто раз исхоженным холманом,
держа в уме загаданный просвет,
но вдруг с каким-то чувством
жутко-странным
на собственный свой натыкаюсь след.

Кружатся богомолы... И закружат
кого-нибудь в морозной полумгле,
и укачают в белых лапках стужи,
и усыпят в мерцающей золе...

Нос отгрызут голодные лисицы,
и по весне лесник передовой
наткнётся на смежающий ресницы
сидячий труп с безносой головой.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

КЛЕСТЫ

Как мга седая заполярный остров,
декабрьский бор накрыла тишина.
Одни клесты посвистывают на соснах,
луца из медных шишек семена:
крючками клювов по кармашкам быстро
бегут, вцепив в стол ветки коготки,
и над глазами блёсткими, как искры,
топорщатся мальчишьи хохолки.

Лежат на настe, пахнущем арбузом,
крылатки обезъядренных семян;
и солнце пялит розовое пузо
на просеку, одетую в туман...

Виват клестам! В крещенские морозы,
когда закат не розов, а пунцов,
без соловьиных рассказней и позы
они по гнёздам высидят птенцов.
И только с жёлтой масленицей пышек
разбрызжет солнце первое тепло,
клесты своих немёрзнущих детишек
поставят на упрямое крыло.

Должно быть там, где смерти замерзанье
сгустило шар кровавой темноты,
вот так же жизнь впускают в мирозданье
душ человеческих божие клесты.

В ВАГОНЕ

Один в купе холодного вагона
Под стук колёс подобный домино,
И вся забота – в длинных перегонах
Глядеть бесцельно в мутное окно.

Тусклы поля. Уродливы деревни.
Бесстыден всяк ветшающий здесь храм.
И городов взмазученные гребни
Страшны, как жизнь, отпущенная нам.

Зима в России... Не с кем мне согреться
И в даль любви дороги замело,
Но оттого, что Родина есть в сердце,
Здесь, всё-таки, красиво и тепло.

Господь нам по рожденья благородству
Судил на время жизненной тщеты
Любить родную красоту уродства
Не меньше, чем уродства красоты!

КОШКА

Друг на друга наслаиваясь, меркнут
Годы в памяти тихо, не вдруг.
От далёких мне, как на поверку,
Остаются лишь запах и звук.

Да родные досмертные лица,
Прожигая посмертную тьму,
Прилетают в мой сон, как жар-птицы,
Чтобы стало светлее уму.

И так ясно: бежит по дорожке
Сквозь теньями расписанный сад
Белолапая рыжая кошка,
Что пропала лет сорок назад.

Когда сны перейдут к одичанию,
Пригвождая к крестовой доске,
Она будит мурмурным мурчаньем.
Щекотаньем усов по щеке.

Не ловила мышей эта кошка,
Ела манную кашу мою,
Молоком запивала немножко
И, конечно, давно уж в Раю

У ЛОБНОГО МЕСТА

На грозной плахе места Лобного
заря дрожит, как лужей кровь.
Узреть тупик для вора злобного
подходят люди вновь и вновь:
в варёных джинсах, в куртках кожаных,
в плащах – китайский ширпотреб –
подходят к знаку боли прожитой,
как будто боль нужна, как хлеб.
Из Костромы, Рязани, Вологды
спешат оравами весь день:
одни седые, другие молодые,
но подойдут и в лицах – тень.
Здесь хохотанье не заказано,
но все смолкают, словно плач
встаёт в душе о муках Разина,
страданиях, что терпел Пугач...
О, мой народ, что тьма кромешная,
в веках судьба твоя лиха!
Ты так жалел порою грешного,
что сам тонул в бочаг греха.
Но эту страсть необоримую –
припасть к голгофы алтарю,
как муж изменницу любимую,
и презираю, и люблю!
Я сам, как ты, не веря трезвости,
пью хмель судьбы под потроха,
с твердынь любви сверзаюсь в мерзости
и рвусь к святому из греха.

МАЙСКОЕ УТРО

НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ

Дерев копейколистные вершины
осыпала светистая пыльца.
Проплыли поливальные машины,
смочив гортань бульварного кольца.

Москва проснулась... Дворники-китайцы
толпой собирают по газонам хлам...
Проворны жилкомхоза постояльцы,
старательны, незаменимы нам:

зигзагами рысцой бегут без лени,
суют в пакеты сор послепивной...
Забронзовелый сумрачный Есенин
молчит под говорок страны иной.

Щебечут керамические лица...
А будь живым, спросил б Рязани сын:
то ли вокруг российская столица,
то ль занесла запойная в Пекин?

Стал бы окрест упорным взглядом шарить,
увериться чтоб, созерцая вид,
что и взаправду на Тверском бульваре
он по дороге к Пушкину стоит...

Анатолий СМИРНОВ

Уверившись бы, сжал для драки пальцы
и закричал без лжи обиняков:
"Зачем, Москва, ты пестуешь китайцев?!
Куда ты дела русских мужиков?!"

ИТАЛЬЯНКЕ, ВСТРЕЧЕННОЙ В МОСКВЕ

Прекрасны вы, как роза, сеньорита;
Сиятельны глаза, как витражи...
Откуда вы в эпохе содомитов,
Всевластья черни, глупости и лжи?

Ваш чёрный локон, ангелом кручёный,
Парит с виска, как ласточье крыло...
Уверен, вы не любите учёных
И прочих, коим с веком подвезло.

Джюльетты опочившая отчизна
В жар ваших членов влита навсегда.
Противны вам запросы феминизма,
В которых сгиб Ромео без следа.

А губы то лениво-полусонны,
То изогнутся в ласковой тоске,
Как губы рафаэлевой Мадонны
С вуалью в настороженной руке.

А этот взгляд немного исподлобья
И голос, зачаровывающий слух!
Я слышу лютню в нём Средневековья
И вижу кафолический весь дух.

Анатолий СМЕРНОВ

Когда б я флорентийским был пиитом,
Я книгу бы сонетов вам сложил
Назло всем европейским содомитам
И черни, почивающей во лжи!

Но я лишь русской площади прохожий
И вот дарю вам розовый цветок,
Чтоб тронуть пальцем нежность вашей кожи
И не забыть в распутицах дорог.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

* * *

В прохладе кельи не потея,
с упорством знанья, что постиг,
по повеленью архиерея
переписал изограф лик.
Икону тёмную Рублёва
монах закрыл густым мазком,
чтобы явить уставы Слова –
был с теологией знаком.
Но он не смог себе представить,
как из-за плеч и притч Христа
венцом зари вне догм и правил
сияет миру красота...
Телесность божиих мгновений,
сиянье плоти и одежд
за словом зрил рублёвский гений,
стряхнувший пыль догматов с вежд.
Слова, как камни, в них – молчанье;
догмат лишь крепости стена,
и только зрящему сиянье
над неюистина видна!..
Сняв верхней краски малый листик
был реставратор изумлён
небесной блёсткой древней кисти
и нам вернул сиянье он.

ОДНАЖДЫ

В храм зашёл я, чтоб грустью сознанья
слиться с теми, кто спят под крестом,
и зажжёт семь свечей поминанья
пред иконой с распятым Христом.
Слёзно плавилась скорбные свечи,
но шептанье из дальних могил
заглушалось священника речью,
коей паству свою он кормил.
"Знайтесь с Господом, в нём ваша доля,—
поп вещал,— с Ним защитнее вы:
не падёт без Его соизволя
даже волос у вас с головы!.."

И я вспомнил, что было однажды:
как Бог Сына к кресту пригвоздил,
как терзал бичеваньем и жаждой
и, насытив страданьем, убил...
В занебесном сиянии чертога,
по Суду принимая дела,
Сын спросил у родителя Бога:
"И откуда в тебе столько зла?"
— Зла?... Я полон бытийного смысла,—
отвечал полномудрый Отец, —
а без зла я бы стал полусмыслен,
в суициде нашёл бы конец.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

У тебя ж сквозь страстные страданья
зло с добром уравнил я в груди,
ибо выше их Наши ристанья,
Наша воля к бессмертью пути!..

Это книги мне всё рассказали,
что читал я меж строк и не год...
Но, как люд в добрый путь на вокзале,
верит в доброго Бога народ.

МИР ВАМ!

Воспоминанья – поминанье
безмолвно отошедших лет,
что мне краснеют, как герани
из окон маминых, вослед.

Когда иссохнувшие листья
летят по лунному лучу,
я, прибираясь в давних мыслях,
затеплю бледную свечу.

Мир вам, мелькнувшие забавы
и драгоценные друзья,
что в жажде золота и славы
давно оставили меня!

Мир вам, родные пепелища,
я сохранил ваш прежний свет;
и вам, почтенные кладбища,
к которым мне дороги нет!

Мир вам, изменницы-кокетки,
что все состарились почти;
и вам, враги, хоть и нередко
меня сбивали вы с пути!

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

Мир всем отцветшим георгинам
и отсвиставшим соловьям!..
Уж скоро сам я стану глиной
на радость почкам и корням.

Но в час, когда июль заплачет
звездой по лунному лучу,
та, для которой что-то значу,
затеplit бледную свечу.

* * *

Мороз рождественский ужасен:
весь парк туманами обмёрз...
Но мир, как в юности, прекрасен –
иду я с другом меж берёз.
Понятны чувства нам друг друга
любые, только словом тронь;
и я не прячу в тёмный угол
словесной нежности ладонь...
Последний раз живу в России
и потому так нежен я
к друзьям, которые простили
мне все блужданья жития.
В иной стране с иною речью
на неизвестном языке,
быть может, я опять их встречу.
Но вспомню ли в иной тоске?..
Отдать последнюю рубаху
давно не стоит ничего,
теперь готов я и на плаху
за веру друга моего.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

* * *

Не здесь ли, где в пруду бесснежном
холодный свет замёрз, шурша,
заледенела в грусти нежной
смиренной осени душа?

Ей, верно, снится посвист ветра
и ласка зяблого дождя,
да алый лист на чёрной ветке
ей снится, память бередя...

Вдруг белый снег пошёл над долом,
как ангелы сдувают пух,
и дол в дали за частоколом
в мечты затягивает дух.

А у соседского крылечка,
как в удивлённом детстве я,
пацан раскрыл глаза навстречу
туманной искренности дня.

Что видит он за этим пухом,
за этим Божьим декабрём?
Каким сердечным зреньем, слухом,
каким он духом одарён?

Анатолий СМИРНОВ

В снегах идущего столетья,
в угрозах ночи, в грозах дня
заменит ли на этом свете
он отсвиставшего меня?

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Не за судьбу угрюмую – беду мою,
не за родимый город на реке,
люблю Россию потому, что думаю
и чувствую на русском языке;
что, не прельщаясь далями великими,
лесами, где, как свечи, деревья,
я вырос под глубинный голос Зыкиной
и Пушкина вершинные слова;
что в зябкости барака в ночь метельную,
гриппозный жар смиряя на щеке,
мне мать моя певала колыбельную
на самом сокровенном языке.

ПТИЦА СИРИН

Поэма

*«Дюзы разрывают звездолёт –
птица Сириин встала на дороге».*

С. Орлов

Заплутав в раскалённой пустыне,
я забрёл в ослепительный сад.
Здесь на ветках, желтея, как дыни,
сочно-сладкие фрукты висят.
Здесь журчат семинотные птицы,
навевая то сон, то мечты,
и бессонно глядятся в криници
не влюблённые в солнце цветы.

Приминая струистые травы,
я бродил, я валялся в тени,
и мелькали, как райские павы,
одинокие нежные дни...
Но однажды, от ночи налево
повернув, увидал пред собой
белолистое рослое древо,
что светилось во мгле голубой,

и на чёрном стволе зеленея,
как запястье на женской руке,

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

юный правнук библейского змея
предавался ленивой тоске.
Но почуяв вблизи человека,
заструил он ползучий живот,
приоткрыл красноватое веко,
предложил искусительный плод.

И я съел его спелую мякоть,
но новее не стало во мне,
с детства вольном смеяться и плакать,
и любить, и стрелять на войне.
Улыбнувшись наивному гаду,
я толкнул его палкой в ребро
и сказал: «За границами сада
миром правят не Зло и Добро».

Я пошёл от рассвета налево
и в лощине над дрёмной рекой
вдруг узрел исполинское древо,
полыхавшее рдяной листвою.
Свет её был глубок и внемирен,
падал в даль, как закат на реку.
В середине его птица Сирий
красовалась на крепком суку:

смоляными бровями манила,
золотыми грудями влекла,
распушённой косою томила,
раскалёнными взорами жгла...

Я упал на колени у комля
и воззвал, одурманенный, к ней:
«Пусть минувшего больше не вспомню,
только стань, птица Сирин, моей!»

Задрожали округлые плечи,
полетела, крылами звеня:
«Я предамся тебе, человеке,
если к ночи догонишь меня».
Заметались под крыльями кроны,
возвращая свободу плодам,
и неторными тропами гона
я бежал по плодовым следам.

Мышцы полнились волей несметной,
я уже прикоснулся к хвосту,
только небо копеечкой медной
обронило звезду в высоту
и на сад поспешило пролиться
мокрым сумерком. Истоиво в нём
птица Сирин сверкнула зарницей
и пропала в ночной окоём.

И тотчас же покинули силы
мои ноги и, рухнув в траву,
плакал я по обманщице милой
да проклятья швырял в синеву.

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

И уснул... Но крылатая дева
в сон вошла, словно диво светла,
и явила от коего древа
не в насмешку меня увела.

Сбросив дрёму, средь росной прохлады
я угрюмо смотрел на зарю
и готов покориться был саду,
став подобным цветов янтарю.
Но земная гордыня разыграла
и поклялся я, словно в бреду:
«Да во что бы мне это не встало,
только дерево снова найду!»

По полянам в цветочных узорах,
не считая ни дней, ни ночей,
я кружил на безлюдных просторах,
доверяясь удаче своей.
Стало платье светлей паутины
и сквозила в него нагота,
но была беспощадней равнины
обуявшая сердце мечта.

Вёрсты стлались, как звон колокольный,
и я шёл сквозь немолкнущий звон,
а в душе, словно уголь из штольни,
поднимались скелеты времён...

Будто туча, готовая громом

Анатолий СМИРНОВ

разразиться над тихой страной,
подошёл я к лощине знакомой,
озарённой багровой листвою.

Свет её был глубок и внемирен,
падал в даль, как закат на реку.
В середине его птица Сирий
красовалась на крепком суку.
Вкруг неё чуть виднелись меж листьев,
словно камни под слоем воды,
преломляясь в свеченьи струистом
небольшие, как сливы, плоды.

Заслоняясь от чар полудеи,
на глаза я надвинул ладонь
и, чернея гордыней и гневом,
слепо двинулся в зяблый огонь.
Но когда протянул в листья руку,
чтоб сорвать притягательный плод,
неподъёмным рокошущим звуком
раскололся вверху небосвод.

Словно глыбы ворочая в глотке,
прогремел кто-то мне с высоты:
«Будь, как в детстве, наивным и кротким,
ешь, что хочешь, гляди на цветы
и валяйся в немнущихся травах,
век не ведая знойных забот,
но не трогай ты дланью лукавой

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

не тебе предназначенный плод!»

Но схватив, как спасательный пояс,
плод, его я с собою понёс
и швырнуло меня, словно поезд
под бездонный кавказский откос.
Я очнулся в унылой пустыне,
где, от жажды скрипя языком,
съел тот плод и побрёл по равнине,
овеваемый жёлтым песком.

Много лет я бродил по барханам
стёртым шагом немереных дней,
прежде чем на рассвете туманном
вдруг увидел забытых людей.
К ним я бросился, вслух восклицая
об украденном Рае земли,
но они, болтовне не внимая,
сквозь меня, как сквозь ветер, прошли.

И присел я, незримый, на камень,
проклиная похищенный плод...
А с востока, сияя, как пламень,
птица Сирин плыла в небосвод.
День просторный вставал под крылами,
рассыпавшими перья лучей,
и журчал о любви за кустами
пыльной рощи лукавый ручей.

СОДЕРЖАНИЕ

«Не крест несу, не чашу пью...»	3
Языческий триптих	4
Речные мелодии	6
Воспоминания	10
Сон	12
Пошехонская весна.	13
Борисоглеб	16
«Слишком быстро декабрьская ночь...» . .	18
«Заиграла весна, засверкала...»	19
«Опять в лучистое цветенье...»	20
«Желтеет за тюлем июньский рассвет...» .	21
Над Юхотью	22
«Клюёт с ладони зимняя синица...»	23
Мария	24
Сонет зимы	25
«Хохочи...»	26
Александр Блок	28
«По бледной дороге...»	29
Мысль	30
«Капли дождя на соцветьях сирени...» . .	31
Слух	32
Придорожные венки	33
В автобусе	34
Вещи	35
«Пасынки осени, жёлтые листья...»	36

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

Опоздание	37
Лес в снегу	38
Клесты	39
В вагоне	40
Кошка	41
У Лобного места	42
Майское утро на Тверском бульваре	43
Итальянке, встреченной в Москве	45
«В прохладе кельи не потя...»	47
Однажды	48
Мир вам!	50
«Мороз рождественский ужасен...»	52
«Не здесь ли, где в пруду бесснежном...»	53
Признание в любви	55
Птица Сири́н. <i>Поэма</i>	56

Анатолий СМИРНОВ

Литературно-художественное издание

**Смирнов
Анатолий Павлович**

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ

Стихотворения и поэма

Произведения публикуются
в авторской редакции

Сдано в набор 20.03.2012. Подписано в печать
28.03.2012. Формат 70х90/32. Объем 64
страницы. Тираж 106 экз. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.

Издательский дом «Печать»
150000, г. Ярославль, ул. Свердлова, 18.
Тел. (4852) 73-76-54. [www. idpechat.ru](http://www.idpechat.ru)

Читайте произведения Анатолия Смирнова
также на сайтах:

<http://www.hrono.ru/proekty/parus/>

www.ruspole.info/taxonomy/term/692

<http://litzona.net/starover/>

<http://www.stihi.ru/avtor/anatoly10/>

<http://www.chitalnya.ru/users/zeleno/>

ЧЕРНИЛА И СУГРОБЫ
